

Михаил Акимов

Фрэнки Ньюмен против Виртуальности

Часть первая

1. Фрэнки Ньюмен рассказывает, как он дошёл до такой жизни

Есть только два варианта, когда необходимость каждое утро появляться на работе не слишком угнетает вашу психику: если вам интересна сама работа или если за неё неплохо платят. По моему глубокому убеждению, большинство людей живёт по второму варианту. Действительно, трудно испытать творческое вдохновение, убирая мусор на улице или работая на конвейере сборочного цеха. Рассказывают, правда, что один почтовый служащий, который всю жизнь занимался тем, что штемпелевал конверты, на вопрос, не утомляет ли его такая однообразная работа, очень удивился: «Однообразная? Вот уж нет: ведь каждый день я ставлю новое число!» Но таких невзыскательных людей, способных удовлетвориться столь ничтожным разнообразием, крайне мало, и поэтому для большинства из нас трудовая деятельность протекает в постоянном

ожидании обеденного перерыва, конца работы и наступления отпуска.

В отличие от многих моих знакомых в Рочестере, мне моя работа государственного служащего ещё и денег практически не приносила, и тогда я вместо того, чтобы запустить таймер обратного отсчёта до дня выхода на пенсию, совсем с неё уволился и в возрасте 36-ти лет открыл собственное дело. В финансовом отношении это было довольно просто, потому что кроме, как на оплату лицензии, никаких других средств не понадобилось, поскольку под офис для своего частного сыскного агентства я переоборудовал собственную квартиру, для чего хватило и моих скудных сбережений.

К тому моменту я уже успел один раз неудачно жениться, зато удачно развестись и два раза наоборот. Три этих события достаточно серьёзно повлияли на моё душевное состояние, поэтому уточнять, как всё было, мне бы не хотелось. После третьего развода я вдруг с удивлением обнаружил, что снова свободен, предоставлен самому себе и не имею ни перед кем никаких обязательств. Это вызвало во мне ложное ощущение, будто бы я опять молод, и я решил круто поменять свою жизнь.

Выбор частного сыска как рода деятельности явился следствием желания бросить вызов, хотя бы

и с опозданием, моей первой жене. Всё-таки я любил её больше, чем двух последующих, а она любила детективные сериалы и заставляла меня смотреть вместе с ней. Во время просмотра Лиззи постоянно сравнивала меня с супергероями на экране, и вы догадываетесь, в чью пользу было сравнение. Вероятно, поэтому все её любовники были спортсменами, спасателями и пожарными. И вот когда около полугода назад она позвонила мне и ядовито поздравила с третьим по счёту разводом, я решился: молниеносно оформил документы, повесил на дверь табличку, дал объявление в газету и уселся в кабинете (бывшей кухне) в ожидании, когда ко мне толпами повалят клиенты, чтобы я стал путём блистательно проведённых расследований вызволять из-под следствия ложно обвинённых бедолаг и разыскивать наследников потерявшим всякую надежду миллионерам, не забывая при этом своевременно получать солидные гонорары и флиртовать с ослепительными красавицами.

Первые три месяца можно пропустить без всякого ущерба для повествования, ибо в течение их я только и делал, что утром приходил в кабинет, чтобы весь день играть на компьютере, а вечером переходил в спальню и, поужинав остатками купленного в супермаркете обеда, заваливался спать.

Но через три месяца дело, наконец-то, сдвинулось с мёртвой точки: у меня появился первый клиент. Им оказалась моя соседка миссис Флауер, чей преклонный возраст и финансовое состояние никак не позволяли надеяться на удовлетворение хотя бы одного из пунктов планируемого мною вознаграждения. Миссис Флауер обратилась ко мне по поводу пропажи своей собачки, которую я тут же нашёл возле ближайшего мусорного бака, за что и получил свой первый гонорар: старушка угостила меня чаем с довольно солидным куском не доеденного накануне пирога.

Как ни странно, но этот случай при всей своей, на первый взгляд, абсолютной бесперспективности, сослужил мне добрую службу. Миссис Флауер начала расхваливать меня всё новым и новым из своих старых знакомых, а те, в свою очередь, своим. Поскольку все они были ровесниками моей соседке, и разговоры в сквере на скамеечке давно стали их единственным занятием, то история эта распространялась со скоростью звука, неизбежно обрастая при этом впечатляющими подробностями; и если в первоначальном варианте я всего лишь смело вырвал несчастную собачонку из пастей своры бродячих собак, то уже к концу второй недели мне пришлось для её спасения объездить половину

штата, при помощи хитрых и умно поставленных вопросов выведать её местонахождение и под покровом ночной темноты проникнуть на территорию частного владения, чтобы в самый последний момент похитить бедняжку, которую приготовили на завтрак крокодилу.

Результатом явилось то, что у меня действительно появились клиенты, которые стали платить мне гонорары деньгами. Разумеется, и задания их, и сами гонорары были на пару порядков ниже тех, на которые я рассчитывал, но они, по крайней мере, несколько снизили отток моих накоплений, что уже само по себе давало надежду на лучшие времена.

Задания клиентов не блистали разнообразием: во всех случаях я должен был следить за неверными супругами и собирать доказательства для возбуждения дела о разводе. Это заставило меня заняться вопросами поиска необходимой аппаратуры и средства передвижения. Первый из них я решил относительно легко: у меня были любительские фотоаппарат и видеокамера. Оптические возможности этих приборов оставляли желать лучшего, и, чтобы как-то компенсировать их недостатки, мне приходилось до минимума сокращать дистанцию между собой и объектом слежки, что отнюдь не способствовало моей личной безопасности. Впрочем, до сих пор мне

неукоснительно везло, если не брать в расчёт два случая, когда меня довольно-таки основательно побили: один раз любовник жены клиента, второй — любовница супруга, причём во второй раз следы побоев заживали гораздо дольше, так как состояли не только из гематом, но также из царапин и укусов. Утешало, однако, то, что вскоре всё должно было наладиться: путём несложных подсчётов я выяснил, что если суммы гонораров не снизятся, то уже лет через десять я смогу приобрести аппаратуру посерьёзнее и оставить, наконец, между собой и объектами дистанцию, достаточную для того, чтобы вовремя убежать.

Хуже было с автомобилем. Купить его было не на что, а иначе — где же взять? Но тут мне повезло. Я случайно и очень для себя удачно навестил своего однокурсника по университету Родни Хауера в тот момент, когда он уныло прикидывал, каким образом дешевле избавиться от старого лендровера. Мне его автомобиль показался верхом совершенства, а когда я узнал, что он до сих пор в силах передвигаться без буксира, все мои сомнения отпали. Я объявил Родни, что в знак старой дружбы беру на себя хлопоты по избавлению его от этого драндулета и с большой неохотой и после долгих препирательств позволил ему всунуть мне в карман 500 долларов на покрытие расходов по эвакуации.

После этого я каждый день в течение двух месяцев обходил все автомобильные свалки и всякий раз с неизменной пользой для своего лендровера. Ремонт двигался туговато: стоило решить одну проблему, чтобы, немного проехавшись, убедиться, что обнаружилась другая. Но я не сдавался, и в результате наступил день, когда я смело отважился на пробную дальнюю поездку аж за два квартала. Она прошла не совсем гладко, как и в любой дальней поездке проявились новые серьёзные неисправности, но со временем я решил и эту задачу. В заключение, на деньги, полученные от Родни, я сделал косметический ремонт, так как намеревался ставить машину по окнами офиса для повышения своего реноме.

Теперь я был настоящим частным детективом: с аппаратурой и на колёсах, оставалось лишь надеяться, что это отразится на количестве клиентуры и качестве её запросов. Пока же мне приходилось довольствоваться всё той же слежкой за прелюбодеями, что, конечно же, не способствовало внутренней гармонии.

Моё душевное состояние в то время, о котором сейчас рассказываю, было далеко от уныния, правда, с обратной стороны, так как стадию уныния я уже давно прошёл и теперь находился в полной апатии. Поскольку было нечто нечистоплотное во всей этой слежке, а особенно, в

съёмке откровенных сцен, то большую часть ночного времени я проводил в диалогах со своей совестью. Разговор наш состоял из двух частей. Вначале я очень убедительно доказывал ей, что занимаюсь весьма благородным делом: помогаю вывести на чистую воду тех, кто самым бессовестным образом предаёт близкого ему человека да ещё таким способом, который наносит неизлечимую душевную рану. Свои доказательства я иллюстрировал такими яркими примерами реальных событий, что совесть не выдерживала и начинала рыдать. Я быстренько её успокаивал и готовился заснуть, но тут она приходила в себя и начинала приводить не менее убедительные контрдоводы, а я, как человек учтивый, был вынужден всё это выслушивать, вместо того, чтобы как следует выспаться и отдохнуть.

Время шло, всё оставалось по-прежнему, и я даже представить не мог, что нахожусь буквально в шаге от того дня, когда возьмусь за задание, подобного которому не доводилось выполнять ещё ни одному детективу в мире.

2. Фрэнки берётся за опасное дело

Я стоял за углом нежилого дома, держа пистолет наизготовку. Сзади меня был тупик, в который я загнал себя сам, запутавшись в

хитросплетении тёмных переулков. Рано или поздно мне придётся выйти туда, где меня поджидают, и тот факт, что я успел прикончить троих врагов, ничего не решает: наверняка их ещё не меньше десятка. Переулок освещал единственный тусклый фонарь, а здесь, в тупике, тьма была совсем крошечной, и уже на расстоянии трёх метров ничего не было видно. Подумав, я решил, что сюда-то они вряд ли сунутся, будут ждать меня там, поэтому есть время всё внимательно осмотреть: вдруг отыщется какой-то проход?

Ощупывая левой рукой стену, я начал мелкими шажками перемещаться вдоль неё, страстно ожидая, когда моя рука обнаружит какой-нибудь проём. Однако, стена по-прежнему была монолитной, и последние надежды растаяли, когда я наткнулся на новую стену, перпендикулярную этой. Пожалуй, не оставалось ничего другого, кроме как выскочить обратно в переулок, отчаянно паля во все стороны, а там уж как получится. Может, удастся нырнуть в подъезд, и тогда я получу возможность передвигаться по всему зданию и контролировать пространство переулка через пустые оконные проёмы. Может, вообще удастся проскочить в какую-нибудь сторону, и я сумею от них оторваться, а если ещё выпущенные наудачу пули в кого-то попадут, то

будет и вовсе неплохо.

Других шансов, по крайней мере, не было, и я начал готовиться к прорыву. Очень важно хорошо толкнуться; я весь спружинился и собрался прыгнуть, как вдруг у меня под ногой что-то глухо звякнуло. Я тут же присел на корточки и стал ощупывать это что-то рукой. По конфигурации это явно была крышка канализационного люка, я немедленно своротил её в сторону и, не раздумывая, спрыгнул вниз.

Здесь неожиданно оказалось довольно светло, и я подивился тому обстоятельству, что в канализационной траншее совсем сухо и по стенам горят лампы. Ничему другому я удивиться не успел: меня сбил с ног мощный удар, мой пистолет выскочил из рук и со стуком отлетел куда-то в сторону. Я тут же вскочил и принял стойку, но мой противник — здоровенный парень в чёрной полумаске — имел преимущество внезапности, которое и начал реализовывать, осыпая меня градом ударов. Я ничего не мог противопоставить его напору и стал отступать, автоматически выставляя блоки и пытаюсь удержаться на ногах. В один момент парень сделал короткую, совсем коротенькую паузу, но мне её хватило, чтобы отскочить подальше и занять позицию для полноценного боя. Это удалось, и я тут же сам перешёл в наступление. Для начала крутанул в

прыжке вертушку, и мой удар заставил его пошатнуться. Развивая успех, я молниеносно провёл серию в корпус и голову, и теперь уже мой противник начал пятиться, вяло защищаясь. Я толкнулся для новой вертушки, но тут...

Но тут звякнул колокольчик, стукнула входная дверь, и я поспешно свернул игру «Приключения в старом квартале»: возможно, это пришёл новый клиент.

— Проходите сюда! — крикнул я, выставляя на экран монитора карту города и якобы погружаясь в её изучение: клиент должен думать, что я работаю, а не мучаюсь от безделья.

При первом же взгляде на вошедшего я почувствовал, как меня охватывает глубокая тоска. Опять слезка, никакого сомнения! Разве можно от человека с подобной внешностью ожидать чего-то другого? Если предположить, что существуют мужчины, специально созданные Природой для того, чтобы им изменяли жёны, то незнакомец был одним из самых ярких их представителей. Судите сами: толстый коротышка лет сорока, плешивый, в огромных очках, с большими ушами и непомерно худенькими для его комплекции ручонками, во всём облике и в движениях сквозит неуверенность — какова картинка? Покажите мне женщину, которая прожила с таким несколько лет и ни разу не изменила, и я поспорю с вами на что угодно, что

она или слепая, или извращенка. А нормальная женщина выйти замуж за такой спецпроект Природы может только при условии... Стоп.

Тут я очень кстати подумал, что нормальная женщина выйти замуж за такой спецпроект Природы может только при условии, что у него очень толстый кошелёк. Но ведь это и для меня годится! Не в смысле, конечно, выйти замуж, а... Ну, вы поняли.

— Прошу! — широким жестом я указал ему на кресло у стола, одновременно изо всех сил стараясь придать своему взгляду ту цепкость, которая, в моём представлении, отличает настоящего детектива от простого смертного.

Спецпроект поблагодарил, сел в кресло и застыл в нерешительности.

— Сигарету? — спросил я, открывая пачку «Филипп Моррис» и закуривая сам.

— Нет, благодарю вас, я не курю, — ответил он, продолжая размышлять о чём-то.

Ежу понятно, что он не курит. А также не пьёт, не волочится за женщинами и не засиживается с приятелями в баре. Потому что ему некогда всем этим заниматься, так как всё свободное время он вынужден следить за своей женой. А та, надо понимать, вовсе не дурочка, и ухитрится обстрипывать свои делишки, несмотря на все его потуги, вот он и решил обратиться к специалисту. Я

подумал, что сейчас самое время продемонстрировать ему свою проницательность.

— Так что вы хотели мне сказать о своей жене? — небрежно спросил я, предвкушая его изумление по поводу столь яркой демонстрации моего профессионализма.

— Что? — встрепнулся он. — А-а, нет, вы знаете, я не женат.

Если вы хотели бы видеть, как глупо выглядит сконфуженный человек, вам просто необходимо было в тот момент оказаться в моём офисе и посмотреть на меня. Желая как-то выпутаться из неприятной ситуации, я понёс уже абсолютный вздор; что-то о том, что клиент порой и сам не подозревает того, что сразу же открывается детективу, поэтому если человеку кажется, что он не женат, то есть, если он даже уверен в этом и даже более того — так оно всё и есть на самом деле, то... Тут я окончательно запутался в собственной фразе и замолчал, глядя на незнакомца. К счастью, смысл моего высказывания остался непонятным не только мне, но и ему тоже, и, воспользовавшись паузой, он, наконец-то, заговорил сам:

— Скажите, а правда то, что про вас рассказывают?

— Что вы имеете в виду? — спросил я, потихоньку приходя в себя.

Я и в самом деле не имел понятия, на какой

стадии эволюции моя история с собачонкой, так как последнее время чуть ли не круглые сутки возился с лендровером и, естественно, новые интерпретации своих подвигов слышать не мог.

— Ну, что вы в одиночку раскрыли крупную международную преступную организацию торговцев экзотическими животными?

— Ах, вы об этом! Да, кажется, что-то такое было, — сказал я с видом человека, который столько всего нараскрывал, что удержать в памяти что-то конкретное абсолютно невозможно, и с неудовольствием подумал, что сегодня же ночью совесть мне это припомнит.

Это, по-видимому, решило все его сомнения, потому что он облегчённо вздохнул и протянул мне свою визитку.

— Морис Гибсон, коммивояжёр, — озвучил он написанное на ней. — У меня к вам дело, мистер Ньюмен, мне как раз и нужен такой человек, как вы.

— Слушаю вас, мистер Гибсон, — на моём лице, как я надеялся, отразилось самое сосредоточенное внимание: именно так вёл себя в подобной ситуации Эд... или Фред... ну, в общем, тот, который больше всего нравился Лиззи.

— Понимаете, — начал свой рассказ Гибсон, — по роду своей деятельности мне часто приходится разъезжать по разным городам — ну

там, заказ товаров, реклама, вопросы поставки... Поэтому в своём доме я провожу не более двух дней в неделю. Как правило, это выходные. У меня есть домработница, миссис Грюнберг, которая присматривает за домом в моё отсутствие и готовит еду, когда я дома. Ну, и вообще делает по хозяйству всё, что положено. Когда я её нанимал, то сразу же спросил, не сможет ли она ночевать у меня... когда я в поездках, естественно, — поспешно добавил он и глянул на меня: не подумал ли я чего предосудительного? — Она охотно согласилась; видите ли, у неё большая семья — дети, внуки — и ей, конечно же, хочется иногда от всего этого отдохнуть. Словом, её устраивали условия и зарплата, меня устраивало, как она справляется, и я никак не мог подумать, что наступит день, когда она категорически откажется и дальше бывать в моём доме и немедленно потребует расчёт.

— Интересно, — кивнул я, и в самом деле почувствовал, что его рассказ начинает меня заинтересовывать, уж очень всё походило на дойловские истории о Шерлоке Холмсе. — Так сразу и потребовала?

— Не сразу. Началось это около трёх недель назад. Я вернулся из очередной поездки и увидел, что она чем-то ужасно перепугана. Я было подумал, что она разбила старинную фарфоровую вазу, нашу фамильную реликвию, но ваза была цела. Тогда я

стал её расспрашивать, она вначале угрюмо отнекивалась, только говорила, что, вероятно, не сможет дальше у меня работать. Это напугало уже меня: не так-то просто, мистер Ньюмен, найти порядочную женщину, которой без колебаний можно доверить своё имущество. Видя мою искреннюю озабоченность, миссис Грюнберг начала колебаться, а затем выпалила, что в доме появились призраки. Я чуть было не расхохотался, но вовремя спохватился: это могло её обидеть. Я спросил, кого же именно она видела, но об этом говорить она наотрез отказалась, только что-то шептала и крестилась. Я стал её разубеждать, но прошло не меньше часа, прежде чем мне удалось немного её успокоить. Потом вроде бы всё как-то само собой улеглось, и на следующий день мы с ней даже пошучивали на эту тему, и о её уходе больше не говорили. И вот через день я снова уехал, а когда вернулся, миссис Грюнберг не застал, а нашёл на своём столе её записку, в которой она сообщает, что не может у меня работать и просит её жалование принести к ней домой...

Тут я ему чуть не заплодировал. Ну, согласитесь, и сюжет, и язык — всё в точности, как будто какой-нибудь мистер Пикрофт Холмсу про свои «Приключения клерка» рассказывает! Вот тут бы и ляпнуть: «Мистер Гибсон, а у вас эта записка с собой»? «Да, конечно», — с готовностью скажет он

и протянет мне небольшой клочок бумаги фирмы «Ноахер» (стандартный лист А4 для офисов, оптовикам скидка), неровно — явно в спешке! — вырезанный маникюрными ножницами из набора «Всё для Вас!». Я внимательно его осмотрю, понюхаю, попробую на разрыв и спрошу: «Скажите, вашей миссис Грюнберг 35 лет, но сейчас она незамужем, хотя имеет друга — сержанта армии США, дезертировавшего... ну, это детали... — очень любит свою собаку по кличке Тосси и увлекается романами Фолкнера»? «Нет, — удивлённо ответит он, — ей за 60, и она...». «Это неважно, — мрачно прерву я его, — записку писала не она. Боюсь, миссис Грюнберг давно нет в живых»!

Так бы я и сделал, будь я поклонником метода Холмса. Но у меня-то совсем другие кумиры! Эд (Фред?) в этом месте выдвинул бы ящик стола, достал «Магнум» и скупно проронил: «Придётся кое-кого замочить!» (Лиззи здесь всегда верещала и хлопала в ладоши). Потом обнял бы очередную Бетт (Кэт, Нетт, Джаннет) и с грустью сказал: «Когда же я покончу со всей этой преступностью, дорогая!» А она: «...

— ... пока я сам в этом не убедился! — эффектно закончил свой рассказ мой клиент.

— В чём? — очнулся я.

— В них! — в глазах коротышки я увидел

одновременно вызов, торжество, восторг, ужас и надежду на меня.

Похоже, какой-то важный кусок я пропустил.

— Ну, что же мистер Морис, пожалуй, я готов заняться вашим делом, — сказал я, стараясь, чтобы это прозвучало несколько лениво. — Конечно, если... — и я изо всех сил сделал вид, что погружаюсь в раздумья: дескать, случай не совсем обычный; тут, даже такому, как я, не всё до конца понятно...

— Разумеется! Десять тысяч аванса вас устроят... или... простите, не обижайтесь... я ведь совсем не знаком с вашими гонорарами... пятнадцать? Двадцать?

— Да, — неопределённо и рассеянно сказал я, мысленно глядя себя по голове, что не закричал «Yes!» при десяти, и как бы думая о другом.

— Понял, — деловито сказал Гибсон и выложил, отсчитывая, мне на стол 25 тысяч долларов. — Конечно, это только аванс, и если появятся какие-то непредвиденные расходы... Не смею вам мешать!

Здесь он поднялся и пошёл к выходу почти на цыпочках. Но, уже выйдя из кухни... то есть, кабинета, снова заглянул и сказал:

— Если бы вы знали, мистер Ньюмен, как я рад, что именно вы занялись моим делом!

И исчез.

После его ухода я снова похвалил себя. На этот раз за то, что сделал кабинет не из спальни, как хотел сначала, а из кухни, окна которой выходят во внутренний двор. Поэтому вряд ли кто видел, как я плясал на столе, швыряя в стороны разные бумаги. Правда, и плясал-то я недолго: уже на третьем па до меня дошло, что 25 тысяч просто так не дают. По-видимому, то, что я пропустил мимо ушей, содержало информацию о чём-то важном. А может быть, и опасном. Подумав так, я мрачно собрал все бумаги, сел за стол и задумался. И очень вовремя, потому что...

3. Появляется новое лицо, и Фрэнки с трудом отрывает взгляд от его ног

... потому что не прошло и пяти минут после ухода Мориса Гибсона, как снова зазвенел колокольчик. Два клиента в один день? Это что-то нереальное. Скорее всего, это он зачем-то вернулся.

Но тут, опровергая мои предположения, послышался стук женских каблучков, и в кабинет... О, дьявол!

Похоже, сегодня Природа неизвестно с какой целью решила дать мне понятие о широте диапазона своих творений, для чего и предъявила два полярных экземпляра: сначала прислала жалкого замухрышку, а теперь вот —

ошеломительную красотку. Жаль, что при этом она не заявила сама, мне бы о-очень хотелось спросить, о чём это она, интересно, думала, создавая такие вот шедевры, как эта девица? Ведь общеизвестно, что Природа должна заботиться о сохранении каждого вида животного мира, а какое тут, позвольте узнать, сохранение, если такая вот окажется в обществе мужчин? Сразу же начнётся естественный отбор. Процентом тридцать — те, что послабее здоровьем — тут же помрут от инфаркта, десять процентов просто потеряет сознание, а остальные погибнут в давке, когда бросятся к ней спросить: «Девушка, что вы делаете сегодня вечером»?

... Ладно, попробую успокоиться и продолжить. Вы, разумеется, догадались, что я давно уже не сижу за столом, а подскочил к двери, поцеловал незнакомке ручку и, слащаво улыбаясь и придерживая под локоток, провожаю к креслу. Не знаю, как вам, а мне на себя в этот момент смотреть противно. Тьфу.

Проводил я её до кресла, сам уселся в своё и чувствую, что со мной какое-то странное раздвоение происходит: то есть, я — сам по себе, а взгляд мой — сам; я хочу посмотреть гостье в глаза и сказать «Слушаю вас, мисс», а взгляд на её коленки уставился и никак уходить оттуда не хочет. С одной стороны, я его понимаю, зрелище

действительно неординарное, и длина юбки на самой грани разумных пределов, что значительно усиливает впечатление; но ведь не годится же детективу с таким заработком вести себя, как самец гиппопотама? От такого сравнения взгляд мой устыдился, мы с ним, наконец-то, воссоединились, и я смог посмотреть незнакомке в глаза. Она, естественно, наше с ним противоборство заметила.

— Ничего, — понимающе кивнула она, — не смущайтесь, обычно все мужчины с этого начинают!

Тут-то я и насторожился: раз ты знаешь, как твоя внешность на мужчин действует, так какого же дьявола ко мне в таком наряде заявила? Мало одной коротенькой юбочки, так ещё и кофточка чуть ли не вовсе прозрачная и с таким вырезом, который само её существование ставит под сомнение. Э-эге, думаю, не зря ведь ты так вырядилась, очень, видно, нужно, чтобы я совсем голову потерял и чего-то не понял или не заметил, а может, на что-то согласился.

Только я это сообразил — успокоился мгновенно. Всё-таки три неудачных брака привили, видимо, мне иммунитет на женские чары. И уже совсем по-деловому сказал:

— Слушаю вас, мисс... — и сделал вопросительную паузу.

— Клара Гибсон, — сказала она. — У вас

только что был мой дядя.

Ну и денёк! С каждой минутой всё веселее и веселее. Она — племянница Гибсона? Я уж скорее поверю, что антилопа с павианом родственники. Разве нельзя было придумать что-то подостовернее? И почему так грубо: Гибсон рыжий, а передо мной полноценная натуральная брюнетка с шикарными вьющимися волосами почти до... в общем, значительно ниже плеч. Но, разумеется, даже глазом не моргнул, наоборот, делаю вид, что поверил.

— Так какое же у вас ко мне дело, мисс Клара?

— Сейчас расскажу, мистер Ньюмен. Но вначале хочу предупредить, что мой дядя не должен знать, что я у вас была.

Вполне естественное желание. Поскольку этот Гибсон наверняка и представления не имеет, что у него есть племянница, то и незачем ему знать, что она приходила ко мне, думаю я и жестом выражаю своё полное согласие.

— Хорошо. Мистер Ньюмен, я вижу, дядя поручил вам какое-то задание, — она кивает на пачки денег, которые я так и не успел убрать. — Какое?

Хотел бы я сам это знать! Он сначала толковал про каких-то призраков, потом не знаю, про что, потому что отвлёкся, а в конце сказал, что

сам в них поверил. Скорее всего, в этих же призраков, может даже, он их видел. Получается два варианта: он хочет, чтобы я выяснил, что это такое и убедил бы его, что их нет, или избавил от них, если они есть. Предпочтительнее, конечно, первое. Но всё это я думаю про себя и вовсе не намерен сообщать свои выводы девице, которая с самого начала своего визита только и делает, что врёт и даже не старается, чтобы это выглядело более-менее убедительно.

— Мисс Клара, — говорю я ей, — детектив — это всё равно, что личный психолог, поэтому я, к сожалению, не могу открыть тайну клиента даже его любимой племяннице.

Надо сказать, она не слишком огорчена или разочарована. Видимо, именно такой ответ и ожидала. С минуту Клара кусает свои прекрасные губки, видимо, обдумывая свой следующий ход.

— Ну, хорошо, — признаёт она, — разумеется, вы правы. Тогда у меня другая просьба: я хотела бы присутствовать при том, как вы будете проводить своё расследование. Возьмите меня с собой, мистер Ньюмен!

— Но это то же самое, как если бы я вам рассказал, что именно он мне поручил, — с ходу возражаю я.

Но на сей раз девица настроена очень решительно, и понятно, что уж от этого-то она не

отступится.

— Ну, пожа-а-луйста, мистер Ньюмен! — умоляюще тянет она, изо всех сил гипнотизируя меня взглядом своих прекрасных глаз. — Вы бы знали, как я люблю своего дядю! Я же чувствую: у него какие-то неприятности! Я просто должна знать, что случилось!

И в порыве родственной любви она подаётся вперёд всем телом, и делает это так энергично, что верхняя пуговка на её кофточке расстегивается — что при её высокой груди и неудивительно, — открывая новые увлекательные возможности для обзора.

И я соглашаюсь. Не из-за пуговицы, конечно. Просто мне вдруг приходит в голову, что неспроста она в этом заинтересована. Здесь есть какая-то связь с тем, что происходит в доме коротышки. И уж лучше мне тогда иметь её у себя на глазах, чем заниматься делом Гибсона и постоянно ломать голову, что затевает его племянница.

— Я намерен начать с осмотра его дома, — объявляю я и вижу, как в её глазах вспыхивает радость: видимо, я делаю то, на что она и рассчитывала.

— И когда вы хотите туда отправиться? — нетерпеливо спрашивает мисс Клара, деловито застёгивая пуговку, которая, как она полагает, свою задачу выполнила.

Это наводит меня на мысль проверить, одна ли она участвует в этом деле, или есть ещё кто-то, с кем она должна договориться о дальнейших действиях. Заодно, возможно, смогу выяснить, с какой это стати она так ко мне прицепилась: ведь могла просто незаметно за мной следить. Хотя, незаметно для девушки с такой внешностью, это, пожалуй, нереально.

— Да прямо сейчас, — решительно заявляю я и поднимаюсь из-за стола, подхожу к ней, предлагаю руку, и мы вместе идём к выходу.

На улице она не просит меня подождать — «Секундочку, я только позвоню подружке!» — и вообще ведёт себя спокойно и уверенно. Это может означать, что она действительно одна, как, впрочем, и то, что все варианты обговорены заранее.

Мы подходим к моему лендроверу, и здесь Клара обнаруживает первое замешательство.

— Это ваша машина, мистер Ньюмен? — спрашивает она. — Вы уверены, что нам следует ехать на ней?

— Не беспокойтесь, — говорю, — эти старые машины делались на совесть, думаю, у нас очень неплохие шансы добраться до места без серьёзных травм.

Не скажу, чтобы это её успокоило, но я себе такую задачу и не ставил, поэтому просто открываю правую заднюю дверцу и собираюсь

залезть внутрь, но Клара хватает меня за рукав.

— Пойдите, — негодуяще говорит она, — уж не хотите ли вы сказать, что я должна сесть за руль?

— Как вы могли такое подумать? — притворно ужасаюсь я. — Свою машину я не доверяю никому. Просто я ещё не совсем закончил её ремонт, поэтому из всех дверей пока открывается только эта.

И не обращая больше на неё внимания, начинаю через спинку переднего сидения продираюсь на водительское место. Вот сейчас-то, думаю, и выяснится, насколько ты, голубушка, желаешь ехать к дому Гибсона непременно со мной. Наряд-то у тебя не совсем подходящий для того, чтобы повторить мой манёвр. А повторять его придётся: подушек на задних сидениях нет, не будешь же ты сидеть на трубах каркаса!

Клара колеблется всего минуту.

— Отвернитесь в сторону и смотрите в левое окно! — командует она. — И не смейте на меня смотреть, пока я вам этого сама не разрешу!

Я послушно отворачиваюсь, хотя дорого дал бы за возможность насладиться таким зрелищем.

— Вы хоть спинку сидения опустите! — слышу я сзади её гневный голос. — Или скажете, что она у вас не опускается?

— Опускается, — честно говорю я, — правда,

не знаю, удастся ли её потом поднять... Скорее всего, нет. Но можно попробовать...

— Не надо пробовать!

И она решительно начинает протискиваться вперёд. Я представляю, что она в этот момент обо мне думает и мысленно упрекаю её, что употреблять такие слова девушке просто неприлично. Наконец, Клара устраивается на сидении и, судя по всему, приводит в порядок свою одежду.

— Можно ехать, — ледяным тоном сообщает она.

— А дверцу-то вы не закрыли, — укоризненно говорю я, повернувшись к ней и вижу, как в её глазах вспыхивает бешенство; выглядит она при этом просто восхитительно.

— Ну, ничего, ничего, — тороплюсь я её успокоить, — мы сейчас кого-нибудь попросим!

Это и в самом деле несложно, так как возле машины собралась толпа, полностью состоящая из мужчин, которые, как думаю, с истинным интересом наблюдали за происходящим.

— Не будете ли любезны закрыть нам дверцу! — кричу я, и один из мужчин, давясь от хохота, выполняет мою просьбу.

Мы трогаемся с места, провожаемые бурными аплодисментами зрителей. Наш разговор с Кларой на протяжении всего пути трудно назвать

оживлённым, тем более, что это и не разговор, а её монолог. «Здесь налево, — сухо говорит она, — а теперь два квартала прямо». Она могла бы не говорить и этого: на карточке Гибсона есть его адрес, а город я знаю неплохо. Но её реплики не слишком отвлекают меня от своих мыслей. А подумать мне есть над чем. Если девушка на глазах у всех пошла на такое унижение, значит, для этого есть веская причина. Почему-то для неё чуть ли не жизненно важно быть рядом со мной. Может ли любовь к дяде простираться до таких пределов?

Через двадцать минут мы на месте. Дом Мориса Гибсона выглядит очень внушительно: приличный двухэтажный особняк, современно отделанный, он напрочь отвергает всякую мысль о возможности появления в нём каких-то привидений. Это очень странно, и я впервые задумываюсь о том, что дело, вероятно, действительно серьёзное, и поражаюсь той самонадеянности, с которой я, непрофессионал, за него взялся. Тем не менее, глушу мотор и вопросительно смотрю на Клару:

— Будем выбираться?

— Вы — первый, — снова командует она, тоскливо оглядываясь назад.

— Как скажете, — пожимаю я плечами, открываю свою дверцу и выхожу наружу.

Мне очень хочется посмотреть на её лицо, но

я понимаю, что этого делать нельзя, если не хочу окончательно испортить с ней отношения. Поэтому достаю сигарету, закуриваю и с глубокомысленным видом изучаю дом. Только минуты через две хлопает дверца с её стороны.

— Как прикажете это понимать, мистер Ньюмен? — гневно спрашивает она.

— Ужасно много работы, — жалуясь я. — Кручусь, как белка в колесе, совсем запамятовал, что вчера отремонтировал все дверцы.

Клара ничего на это не отвечает, но чувствуется, что это даётся ей с большим трудом.

Я открываю калитку, пропускаю её вперёд, и мы идём к крыльцу. Дверь оказывается заперта, и я с ошеломлением думаю, как же это могло так получиться, что я совсем забыл взять у Гибсона ключ. Клара видит мой растерянный взгляд, и на её лице чётко отражается удовлетворение.

— Вот видите, а вы ещё хотели идти сюда без меня! Что бы сейчас делали?

Она достаёт из сумочки ключ и отпирает дверь. Это заставляет меня подумать: неужто она и в самом деле племянница Гибсона? Что это, очередная шутка Природы?

В доме я последовательно обхожу одну комнату за другой, не имея ни малейшего представления, зачем это делаю. Клара молча следует за мной, изредка заглядывая мне в лицо,

как бы проверяя, уже раскрыл детектив какую-то ужасную загадку или всё ещё нет? Но ни о чём не спрашивает, и за это я ей благодарен.

Мы поднимаемся по лестнице на второй этаж, и там происходит то же самое. Обычный дом, обычные комнаты, никакого намёка на призраков или их следы, и я прихожу к выводу, что надо здесь ночевать. Когда же ещё появляться призракам, как не ночью? И тут я вспоминаю стремление Клары непременно быть со мной и ухмыляюсь при мысли, распространяется ли это её желание и на ночное время? И какова в этом случае будет дистанция? Чем она ограничится: пределами комнаты? А может, постели?

Последний вариант — самый привлекательный, но я не успеваю его обдумать, так как в конце коридора обнаруживаю железную дверь со щеколдой. Это очень странно, особенно, если учесть, что она на втором этаже, и я впервые задаю Кларе вопрос:

— А это что, кладовка?

— Не имею представления, — пожимает она плечами, — не так уж часто я бываю у дяди, чтобы знать о его доме абсолютно всё.

Я открываю щеколду, распахиваю дверь и удивляюсь ещё больше: это вообще не комната, а что-то вроде лестницы в подвал. На такую мысль наводят каменные стены и каменные же ступени,

ведущие в абсолютную темноту. Но почему со второго этажа? Вероятно, настоящий детектив не упустил бы возможности спуститься вниз и всё выяснить. Мне же делать этого совсем не хочется, потому что я не знаю, что мне это даст, тем более, что по ступеням, наверное, спускаться долго и из-за темноты неудобно, но мне очень помогает то, что в этот момент Клара сильно толкает меня рукой в спину, и я преодолеваю всю лестницу в считанные секунды и ударяюсь головой о стену. Но всё же, перед тем, как потерять сознание, успеваю услышать, как захлопывается дверь и гремит, запирая её, щеколда.

4. Фрэнки обзаводится собственными призраками

Я не всегда и не во всех ситуациях одинаково умён. Мой ум обычно обостряется в вечерние часы, после ужина с парой порций виски, и достигает своего апогея, когда я закуриваю сигарету и начинаю размышлять о жизни. В такие минуты я свободно ориентируюсь во всех вопросах бытия и никому не рекомендовал бы ввязываться со мной в дискуссию. В Бюро статистики, где я работал до своей карьеры детектива, мои умственные способности — в особенности, в разговоре с начальством, — проявлялись не столь остро,

вероятно, потому, что часы работы приходились на утреннее и дневное время. Однако, и это ещё не предел: глупее всего — до сегодняшнего дня — я выглядел в наших бесконечных спорах с Лиззи, причём, вне зависимости от времени суток. Моя беспомощность в разговорах с женой доходила до того, что порой я не мог ответить на самые элементарные вопросы, например, почему я с такой неприязнью отношусь к спортсменам, спасателям и пожарным, если первые укрепляют престиж страны, а вторые и третьи вообще жизненно необходимы людям?

Но сегодня я превзошёл в глупости самого себя. Угодить в такую незатейливую ловушку, описанную едва ли не во всех детективных романах, мог только полный идиот. У меня не было никакой обиды на Клару, потому что она честно предоставила мне уйму доказательств того, что она что-то замышляет, и не сделать из этого правильных выводов мог только тот, кому Мудрец из страны Оз до сих пор не поменял опилки на мозги.

Не убеждён, правда, что в случае со мной это было бы лучше; скорее всего, голова с мозгами болит ещё сильнее, чем с опилками, в особенности, если ею вот так вот, с разбегу, треснуть в каменную стену. Удар действительно был хорош, и я с надеждой попробовал повалить стену, но она

даже не шаталась. Ощупать голову я решился не сразу, но потом всё-таки сделал это и убедился, что крови нет. Получается, они сыграли вничью.

Чего нельзя сказать о нас с Кларой! Эта чертовка обставила меня по всем статьям, а я даже не знаю, почему она это сделала, и, судя по всему, у меня нескоро будет возможность спросить, что она, собственно, имела в виду, сталкивая меня в...

Тут я подумал, что неплохо бы узнать, куда это я попал, и, кряхтя и морщась, поднялся на ноги и полез в карман за зажигалкой. На моё счастье, это была зажигалка с фонариком, и я нащупал кнопку и нажал.

Больше всего я боялся, что нахожусь в каком-нибудь замкнутом помещении, например, в подвале, но это оказалось не так. Я стоял в самом низу лестницы, ведущей на второй этаж дома, но, судя по её длине, находился даже ниже уровня первого этажа. С двух сторон, на расстоянии трёх-четырёх метров друг от друга, меня окружали стены, а впереди был коридор, несколько более узкий, шириной метра два. Даже с такой головой, как у меня, нетрудно было сообразить, что надо идти по нему и посмотреть, куда он ведёт: вариант с подъёмом по лестнице, стуком в дверь и криками «Клара, откройте!» показался мне менее перспективным.

Пройдя по коридору несколько метров, я

оказался уже действительно в подвале. Здесь на полу было сыро и стояла сильная вонь, вне сомнения, от лопнувшей где-то трубы канализации. Я сморщился и поспешно стал гонять вокруг себя луч фонарика. Но сколько ни всматривался, никакого прохода не обнаружил. В самом подвале не было ничего, кроме труб и системы разводки. Это-то было понятно, но почему спускаться надо непременно со второго этажа? Я решил внимательно исследовать стены, но вначале нужно было что-то сделать с этим запахом. Я приоткрыл один вентиль, из него потекла струя чистой воды, явно магистральной. Осмотрев свой пиджак, я решил, что он испорчен безнадежно, поэтому без колебаний вырвал подклад, смочил его водой и повязал на лицо, закрыв нос и рот. И только после этого двинулся с фонариком вдоль стен. Дверь я и в самом деле обнаружил, но радости это мне не доставило, поскольку она была металлической и оказалась заперта. Нет, Клара определённо знала, куда именно надо меня столкнуть!

Я обследовал себя изнутри на предмет обнаружения уныния и пришёл к выводу, что пока ещё не отчаялся и на этом сдаваться не собираюсь. И как следствие, мне в голову пришла мысль, которую следовало проверить. Я отошёл в угол к тому месту, где магистральная труба уходила за стену, взялся за неё рукой и подёргал. К своей

радости, я не почувствовал в ней жёсткости, напротив, труба весьма ощутимо двигалась в стене, а это могло означать только одно: кладка в этом месте вовсе не идеальна. Я ухватился за трубу уже обеими руками и стал с силой её расшатывать. Результата добился почти сразу: несколько кирпичей стали двигаться, смыкая и размыкая щели между собой. Не выпуская из рук трубы, я повис на ней, перебирая по стене ногами всё выше, и ударил. Кладка пошевелилась, правда, очень незначительно. Тогда я отчаянно принялся молотить по ней попеременно то одной ногой, то другой, а иногда обеими вместе.

Минут через пять я бросил это занятие, и, тяжело дыша, отправился по подвалу в поисках более серьёзного стенобитного орудия. И вскоре нашёл его: это был кусок трубы вполне приемлемых для моих целей длины и диаметра. Я вытащил из карманов пиджака всё, что там было, рассовал это в карманы брюк и рубашки, набросил пиджак на один из концов трубы, чтобы не так больно отдавало в руку, и вновь принялся изображать из себя греков перед воротами Трои.

Впрочем, у меня получилось лучше, чем у них, не пришлось даже строить коня (да и кому бы я его предъявлял?), минут за десять я раздолбил отверстие, достаточное для того, чтобы человек, который не очень заботится о том, как он будет

выглядеть после этого, мог в него пролезть, что я тут же и сделал.

Это опять был коридор, но на сей раз сухой и освещенный лампами. Я нахмурился. Что-то не помню, чтобы во время своего визита Морис Гибсон хоть словом обмолвился о том, что у него под землёй настоящий лабиринт; надеюсь, что, по крайней мере, без Минотавра.

Только я подумал о Минотавре, как у меня над головой послышался шум и стук, как будто что-то сдвигали, и в тот же момент оттуда чуть не прямо мне на голову спрыгнул какой-то человек с пистолетом в руках. У меня не было оснований полагать, что этот пистолет он принёс мне, чтобы я смог успешно противостоять неведомым сообщникам Клары, поэтому я мгновенно, пока он не успел опомниться, нанёс сильный удар. Противник мой полетел на землю, пистолет выскочил из его руки и отлетел в сторону. Теперь шансы были более-менее равны, и я набросился на парня, пытаюсь ошеломить его если не мощностью ударов, то хотя бы их количеством. Но парень умело ставил блоки, и все мои удары били впустую. Я начал уставать, и, воспользовавшись этим, он сам перешёл в наступление. Сначала долбанул меня вертушкой, да так, что в голове у меня всё поплыло, и я едва устоял на ногах, а потом начал молотить в корпус и голову. Дела мои были плохи, я находился

в том состоянии, когда только боль от ударов помогает понять, что ты пока ещё в сознании. Было очевидно, что и в этом состоянии я не задержусь, так как парень уже толкнулся для новой вертушки, но тут, вместо того, чтобы нанести мне прощальный удар, неожиданно исчез.

Минуты две я постоял на коленях, набираясь сил, потом поднялся, сорвал с лица повязку и вытер ей кровь. Наверное, мне полагалось сейчас глубоко задуматься: чем-то эта сцена мне знакома! где-то я такое уже видел! однако, и без всяких раздумий я прекрасно понимал, что произошедшее — точная копия эпизода игры «Приключения в старом квартале», в которую я играл сегодня утром, с той лишь разницей, что тогда я сидел перед компьютером и получал виртуальные удары, а сейчас меня довольно основательно на самом деле отметелили. И кто? Я же сам.

Вероятно, от всего этого можно и свихнуться, но я решил сделать это позже, когда у меня появится время и возможность спокойно обо всём поразмыслить. Сейчас же главный вопрос, в какую сторону идти. Если допустить невозможное, что я каким-то образом попал внутрь игры, то и вверху и прямо по коридору — её уровни. Но разница есть: что находится дальше по коридору неизвестно, а вот наверху вооружённые пистолетами и ножами бандиты, которые и загнали сюда виртуального

меня. Так что надо уходить по коридору.

Но сделать этого я не успел: сверху через открытый люк, как горох, посыпались те, встречи с кем я хотел избежать.

— Где он? — спросил меня первый из спрыгнувших.

— Туда побежал! — я показал в сторону коридора, думая о том, как удачно и вовремя начал снова вытирать тряпкой кровь на лице.

Вся компания послушно ринулась в ту сторону, тем самым лишив меня альтернативы в выборе направления. Я увидел, что наверх ведёт лестница из металлических прутьев, которой не пожелали воспользоваться ни виртуальный я, ни его преследователи, и стал подниматься по ней.

Я прекрасно знал, что она выведет меня в тупик за последним домом переулка, но вместо этого оказался в одной из комнат особняка Гибсона. Металлическая крышка люка уже была не крышкой, а пластиковым щитом квадратной формы; когда я задвинул его ногой, он плотно закрыл отверстие, почти не оставив щелей, открыть его сейчас без ножа или отвёртки было бы крайне затруднительно. В комнате, несмотря на раскрытые шторы, царил полумрак, из чего я сделал вывод, что сейчас не менее восьми часов вечера.

На всякий случай я обошёл весь дом, но Клары, разумеется — да и вообще никого — не

было. Я подошёл к входной двери, открыл замок, вышел на улицу и захлопнул за собой дверь.

Мой лендровер стоял на своём месте, и я из этого сделал вывод, что угоном автотранспорта с целью его продажи Клара не занимается. Я сел за руль, и мой лендровер, развив давно забытую для себя скорость — не менее сорока миль в час — примчал меня домой.

Здесь тоже всё было на месте, включая 25 тысяч, которые так и лежали на столе. Я принял душ, переоделся, вытащил из одной пачки без счёта несколько листов стодолларовых купюр и поехал в ресторан «Дилайт»: после того, как я женился на Лиззи, я поклялся, что никогда больше не буду принимать на голодный желудок ни одного серьёзного решения.

5. Фрэнки почти сожалеет, что его сыскная деятельность не ограничилась розыском собачонки

Пройдя вестибюль, я заглянул в зал и замер на месте, а потом сделал шаг назад и остался здесь, осторожно выглядывая из-за портьеры. За одним из столиков я увидел Клару в компании какого-то мужчины. Она была одета совсем по-другому, скромно и элегантно, и сидела ко мне спиной, но я ничуть не сомневался, что это она: разве можно её с

кем-то спутать! У меня возникло непреодолимое желание подойти и как ни в чём не бывало усесться за их столик; это желание помогло мне понять, чем я отличаюсь от настоящего детектива: уж тот-то ни за что бы так не сделал! Он бы воспользовался тем, что его считают сидящим в подвале, и скрытно провёл какую-нибудь блестящую операцию. Но я ничего не мог с собой поделаться, очень бы уж это было эффектно, и единственное, что меня удерживало от этого шага, это присутствие рядом с ней мужчины. Гораздо интереснее встретиться один на один!

Мужчина, по-видимому, тоже это понял, и я увидел, как он встаёт, а Клара остаётся на месте доедать какой-то десерт, по-моему, мороженое. Я обратил внимание на то, что он не стал целовать ей ручку, а попрощался кивком головы и быстро пошёл к выходу. Я отступил ещё на шаг и внимательно осмотрел его из-за портьеры, когда тот проходил мимо. Результат меня разочаровал: я убедился, что не знаю его, хотя и было ощущение, что где-то видел. Разочарование, однако, быстро уступило место наслаждению, с которым я стал осуществлять задуманное. По пути к столику я остановил официанта:

— Бифштекс с картофелем и бутылочку «Тюборга» вон за тот столик: дама — моя знакомая.

После этого быстрым шагом подхожу к

столику и усаживаюсь рядом с ней с виноватым выражением на лице.

— Мисс Клара, — говорю я, целуя ей ручку и прижимая к сердцу свою, — ради Бога, простите, что так невежливо и поспешно вас покинул! Дела, знаете ли! И мне так жаль, что вы даже не успели закончить фразу! Помнится, вы что-то говорили о том, что редко бываете у вашего дяди и не знаете, куда ведёт какая-то там дверь. Прошу вас, подумайте, может, вспомните, мне так интересно это знать!

Ох, нет, ну, какая женщина, а? Любое душевное состояние ей к лицу! Представьте на её месте меня: сижу, как болван, с вытаращенными глазами, рот от удивления раскрыл... Жалкая картина. А она: широко раскрытые прекрасные глаза, рот слегка полуоткрыт, отчего выглядит ещё соблазнительнее... Ну, почему я не Тициан? Я бы с неё такое полотно написал...

Происходящее дальше ещё раз убеждает меня в том, что ни одна женщина не будет находиться в состоянии растерянности дольше нескольких секунд. Об этом я знаю на примере своей семейной жизни, когда однажды застал Лиззи с... Но сейчас не об этом.

— Мистер Ньюмен! — приветливо и без всякого смущения улыбается мне Клара. — Вы тоже бываете в этом ресторане? Никогда раньше

вас здесь не видела!

— Что поделатъ, — говорю я, — видимо, день сегодня такой. Я тоже встретил кое-кого из знакомых в таком месте, где никак не ожидал увидеть.

— Вы сами виноваты, — жалобно говорит она, — когда вы раскрыли эту дурацкую дверь, поднялся такой сквозняк, что меня даже покачнуло, и я случайно толкнула вас рукой! А когда вы полетели вниз по ступенькам, я ужас как перепугалась! И вообще была в каком-то шоке, ничего не соображала и даже не помню, как убежала оттуда...

— А дверь захлопнули, чтобы меня не просквозило, пока я валяюсь там без сознания, — предполагаю я.

— Вы лежали без сознания? — она снова широко раскрывает глаза и делает это так натурально, что я на секунду даже верю тому ужасу, который в них отражается. — Бедненький!

— А щеколда? — безжалостно напоминаю я.

— Щеколда? — удивляется она. — Там была какая-то щеколда?

И тут в её лице происходит совсем неожиданная для меня перемена, и я с удивлением замечаю, что с него напрочь исчезают признаки фальши.

— Знаете, мистер Ньюмен, — говорит она, и

её глаза весело искрятся, — я потом так хохотала, когда вспомнила, какую штуку вы проделали со мной в машине!

Я помимо воли размягчаюсь, и мы начинаем с ней смеяться вдвоём. Ни дать ни взять — два друга встретились и болтают о чём-то приятном. Так, наверное, и думает официант, когда приносит мой заказ. Есть я хочу просто дьявольски и немедленно принимаюсь за бифштекс. Клара же наоборот, покончила со своим десертом, и официант в ожидании становится перед ней.

— Дама — моя гостья, — небрежно бросаю я, и он, почтительно кивнув, уходит.

Теперь мы сидим в молчании. Я делаю вид, что полностью поглощён едой и злорадно думаю, что, наконец-то, Клара растеряна и не знает, как сейчас поступить. Разговор наш явно не закончен, поэтому уйти она не решается; с другой стороны, новых вопросов я не задаю, стало быть, тема исчерпана? И всё же она ждёт, пока я не протягиваю руку за пивом.

— Так я пойду, мистер Ньюмен? — нерешительно спрашивает она.

— Разумеется, мисс Клара, — добродушно говорю я и делаю длинный глоток. — Надеюсь, мы скоро увидимся? Ведь вас так волнует дело вашего дяди, а оно ещё не закончено!

Эта фраза добивает её вконец. Она как-то

беспомощно смотрит на меня, а потом происходит неожиданное.

— Фрэнк, — тихо говорит она, и я вздрагиваю и от этого, и от того, что она слегка прикасается к моей руке, — уезжайте отсюда! Хотя бы месяца на три. А потом про вас просто забудут.

И не говоря больше ни слова и даже не посмотрев на мою реакцию, встаёт и решительно уходит.

Я задумчиво смотрю вслед, отдавая должное её походке. Но это чисто автоматически; в основном же думаю о том, что крепко впутался во что-то загадочное и необъяснимое. А при воспоминаниях о драке в подвале по телу пробегают мурашки.

Я поёживаюсь и обнаруживаю, что возле меня со счётом в руках стоит официант. Просматриваю счёт и бросаю на стол деньги. Потом киваю на пустую тарелку.

— Принесите ещё парочку и бутылку виски, я возьму с собой, — говорю я, прекрасно понимая, что этой ночью спать мне не придётся.

Через некоторое время он приносит мне свёрток, я забираю его и выхожу на улицу к своему лендроверу.

По пути останавливаюсь у киоска и покупаю по одному экземпляру всех газет, которые имеются в наличии. Потом спрашиваю, нет ли

нераспроданных за предыдущие дни, и, узнав, что есть, беру тоже.

Возле дома встречаю миссис Флауер, которая вышла прогуляться со своей собачкой, приветствую её, выслушиваю очередную порцию благодарностей и с грустью вспоминаю, с каким блеском я провёл своё первое дело. Вот бы на нём и остановиться! Собачка меня неблагодарно облаивает, чем очень расстраивает свою хозяйку.

— Ну, что ты, Лиззи, — укоризненно говорит она, — разве можно лаять на мистера Ньюмена?

— Лиззи? — удивляюсь я. — Ну, тогда всё в порядке, миссис Флауер: её тёзка проделывала это ежедневно!

Старушка сконфуженно смеётся. Разумеется, соседи были в курсе наших отношений.

В почтовом ящике я обнаруживаю конверт, в котором есть что-то тяжёлое. Поскольку, на мой взгляд, бомбу подкладывать мне пока ещё рановато, вскрываю его без всякой опаски и обнаруживаю ключи и записку. Записка, разумеется, от Гибсона. «Уважаемый мистер Ньюмен! Совершенно позабыл оставить Вам ключи от своего дома. Мой адрес есть на визитной карточке. Я приеду в субботу днём, надеюсь, что к этому времени Вы сможете сказать хоть что-то о том, что же там происходит. С глубоким уважением».

Очень интересно. Теперь в число персонажей

этой истории каким-то образом попадает ещё и миссис Грюнберг. Нет сомнений, что свой экземпляр ключей Гибсон оставил у себя. А где её ключи? Эти или, может, те, которые сейчас у Клары? Последний вариант особенно настораживает. Откуда вообще у Клары могли взяться ключи? Не думаю, что ей их дал Гибсон — с какой стати, даже если поверить, что она действительно его племянница?

Тут я спохватываюсь, что есть гораздо более важные и тревожные вопросы, чем неразбериха с ключами, открываю дверь и захожу в кабинет. Оставляю ворох газет и свёрток и на минуточку забегаю домой, чтобы переодеться во что-нибудь попроще, затем возвращаюсь на работу.

Ну, что же, думаю, время вечернее, я только что поужинал, есть виски и сигареты — все условия для того, чтобы проявить остроту своего ума, поскольку для меня это сейчас стало просто необходимо. Может, даже жизнь моя сейчас от этого зависит.

Хлебнув виски и закурив, мысленно отмечаю для себя вопросы, на которые когда-нибудь потом надо обязательно ответить: кто на самом деле Клара Гибсон? кто стоит за ней? что происходит в доме? почему именно там? связано ли это как-то с постоянными разъездами Гибсона? и ещё штук десять помельче, если, конечно, считать мелким

вопрос, чем всё это угрожает лично мне.

Но это потом. Потому что главный всё-таки, каким образом я попал в компьютерную игру и, заработав пару фингалов, благополучно оттуда вышел?

Допустим, это инсценировка. Кто-то знает, что в моём компьютере есть такая игра, и я часто в неё играю. Вот и решили надо мной подшутить. Зачем? Ну, мало ли... Скажем, клуб по интересам «Сведи с ума игромана»! Богатые люди от скуки резвятся. Выбирают себе жертву, изучают её, устанавливают, какие игры предпочитает, и устраивают для неё представление по полной программе. А потом названивают в психиатрическую клинику: «К вам такой-то не поступал?», и если да, то... Не знаю, что. Может, просто весело смеются, может, тому, кто это придумал, приз какой-то вручают...

А что? Очень даже запросто. Выяснили, что Гибсон дома почти не бывает, устроили в его подвале игродром, на котором в зависимости от игры меняют декорации, устранили миссис Грюнберг, пару раз появившись в одеянии леди Макбет или кого-то ещё... Стоп, стоп! Как-то не вяжется: богатые люди, а используют чей-то дом, вместо того, чтобы самим выстроить с полным размахом... Ладно, другой вариант. Гибсон — из их компании, а то, что он ко мне заявился, просто

способ вовлечь меня в игру! Раз, мол, вы детектив, разузнайте, что у меня в доме происходит... Приставляют ко мне Клару, чтобы помогла мне попасть на место действия. А с другими — другой подход: мистер Паркинсон, вы работу ищете? Согласны охранять мой дом? Я неплохо заплачу...

Да, но ведь никто не мог знать, на каком именно эпизоде я остановился утром... Именно тупик, именно траншея... А совпадение, случайно получилось. Разве я бы был в меньшем шоке, если бы они разыграли эпизод месячной давности?

На этот раз я отхлебнул из бутылки основательно. Ну, чем я уступаю настоящему детективу? Всего за несколько минут выстроил логически непротиворечивую версию, которая объясняет абсолютно все факты! Если, конечно, не обращать внимания на ма-а-ленький нюанс: каким образом тот парень, виртуальный я, собираясь добить меня вертушкой, прямо на глазах растворился в воздухе, да ещё так, что это до момента совпало с тем, когда я и на самом деле игру выключил!

6. Фрэнки принимает вызов

Утро я начинаю с того, что признаюсь себе в полной своей бездарности. Заваривая кофе, думаю, что ночь провёл впустую и уж лучше бы просто

выспался. Ни просмотр газет, ни шныряние в Интернете не дало никакого результата, наверное, потому, что толком и не знал, что я там ищу.

Кофе меня взбадривает, и я прихожу к выводу, что начал расследование не так, не с того и не в том направлении. Потому что в первую очередь мне надо было задуматься вот над каким фактом: Морис Гибсон, не банкир, не магнат, а простой коммивояжёр, который сам мотается по всем своим делам, спокойно выкладывает мне 25 тысяч и говорит, что это только аванс. За что? Ах да, за то, чтобы я избавил от нечисти дом, в котором он почти и не бывает... А его двухэтажный особняк? Зачем такой человеку, у которого ни жены, ни детей? Чтобы было где переночевать миссис Грюнберг, когда она устанет от детского крика?

Ну, ладно, это мы уже, как говорится, проехали. Попробуем разобраться, что я успел натворить. Сунулся в дом, оказался в подвале, попал внутрь компьютерной игры и выбрался оттуда, судя по всему, случайно: удалось обмануть бандитов, которые, впрочем, преследовали не меня. Да, но и попал-то я в неё случайно: если бы не выбил кладку, сидеть бы мне до сих пор в подвале! Тёмный лес.

Хорошо, попробуем с другой стороны. И даже не будем размышлять над тем, что это было:

компьютерная игра или её инсценировка. Сейчас понять это всё равно не удастся. Начнём с тех, кто за этим стоит, тогда и до игры доберёмся. Надо ли мне это? Надо. «Уезжайте отсюда, — сказала Клара, — хотя бы на три месяца. А потом про вас просто забудут». И сказала она это искренне. Сначала столкнула в подвал, а потом так сказала. О чём это говорит? О том, что сначала она беспрекословно выполнила то, что от неё требовалось, а потом я ей чем-то понравился, и она решила меня от чего-то спасти. «Про вас забудут», — сказала она, и это значит, что сейчас про меня помнят. Кто? Ещё темнее. Мужчина, которого я видел с Кларой, вообще может оказаться не при чём.

Ладно, на свете, слава Богу, не две стороны, а, как минимум, четыре. Начнём с новой. Зачем я им нужен? Нет, здесь тоже пока не разберусь... Во, чего они от меня ждут? Вот это правильно. Допустим, им для чего-то надо было запереть меня в подвале. Для чего-то такого, за что не жалко выложить 25 тысяч. Но я оттуда выбираюсь. Об этом они уже, конечно, знают; скорее всего, от Клары. Значит, им надо снова туда меня загнать. Как они это сделают? По-моему, ясно: Клару они больше за мной не пришлют, будут действовать силой. Похитить меня из офиса невозможно: будет куча свидетелей, значит, им надо, чтобы я оказался

в каком-то удобном для них месте и непременно один. А для этого за мной нужно неотступно следить или где-то подстеречь. Вот тут-то и получается: чего они от меня ждут?

Надо понимать, ждут они от меня каких-то действий, которые кажутся им логичными... Так, так! Кажется, я уже начинаю что-то соображать, но эту мысль мы пока бросим — запомним хорошенько и бросим — вернёмся к ней потом, а сейчас перейдём на последнюю, четвёртую, сторону.

В чём их преимущество? В том, что я для них весь на виду, а они для меня в тени. Значит, надо их выманить на солнечный свет. Как это сделать? Нужно раздражить их, разозлить, довести до истерики, тогда они обязательно как-то себя проявят. Ну, что же, они ждут от меня логичных действий, а я прикинусь полным идиотом, который и сам не знает, что сейчас выкинет! Они будут тихонько, незаметно подталкивать меня в одну сторону, а я тупо и нагло попру в другую. И вот когда у них не выдержат нервы, тогда... Не знаю, что тогда, потом будет видно.

Есть, правда, ещё один вариант: сделать так, как советует Клара. Но... Если бы она сказала мне это до того, как столкнула в подвал и предоставила какие-то доказательства, я, возможно, так бы и поступил: вернул Гибсону его деньги и уехал. А

сейчас во мне заговорили упрямство и злость; именно в таком состоянии я подал на развод с Лиззи.

Теперь стоит подумать о том, как их раздражить. Можно, конечно, делать то, что ничего не делать. Сидеть себе в офисе и ждать, когда им это надоест, и они сами на что-то решатся. Человек, делающий первый ход, всегда в проигрыше: ход один, а ответов много. Но после подвала я уже сам рвусь в бой, мне не понравилось быть их игрушкой, и я намерен заставить их играть по моим правилам.

Эскиз плана у меня есть, а остальное подскажет вдохновение. Я доедаю бифштекс, запираю офис и иду к лендроверу. Ему в моём плане отведена заметная роль, поэтому первым делом еду на заправку.

— Полный бак, — говорю я служащему, худящему очкастому подростку, подкатившему ко мне на роликах.

— А он столько проедет? — недоверчиво вырывается у него, но уже в следующую секунду он вновь собран и предупредителен.

Расплатившись, я начинаю бесцельно колесить по городу, посматривая в зеркало заднего вида. Синий «вольво» прорисовывается почти сразу, что неудивительно: трудно было бы на колымаге вроде моей вести его, но и обратный вариант ничуть не легче. Водителю «вольво» никак

не удаётся держать ту скорость, с которой свободно справляется мой лендровер, и он то и дело подскакивает ко мне чуть ли не вплотную.

Помучив его около часа, я делаю следующий ход: во весь опор мчусь к дому Гибсона. Этот мой маршрут необычайно радует моего преследователя; настолько, что он спешит поделиться радостью со своими друзьями, и в компании с «вольво» я замечаю чёрный «мерс». Не исключено, что кто-то ещё едет туда другой дорогой.

На Даун-стрит я решаю, что хватит с них положительных эмоций, круто разворачиваюсь, как будто что-то вспомнил, и еду в обратном направлении до Ривер-стрит. Здесь я останавливаюсь возле оружейного магазина, роюсь в карманах, дожидаясь, когда подъедут мои преследователи, и захожу внутрь. Сразу же после того, как я открыл агентство, я в приступе небывалой решительности приходил сюда, чтобы купить пистолет. Мне сказали, что помимо заполнения необходимых бумаг, нужно ещё два месяца дожидаться разрешения. Бумаги я заполнил, но приступ мой за два месяца прошёл, и я здесь с тех пор не появлялся. И вот сегодня я решил-таки его купить; не для того, чтобы пользоваться — этого делать и не собираюсь, а просто для того, чтобы мои враги знали, что он у меня есть. Продавец приятно удивлён, все бумаги давно

готовы, и покупка не отнимает у меня и пяти минут. Выйдя на улицу, я сначала подхожу к киоску и покупаю пачку «Моррис»; это даёт мне возможность потом пройти рядом с «вольво». Коробку с пистолетом я держу таким образом, чтобы было видно, что у меня девятизарядная «беретта».

Это играет роль холодного душа, и когда я трогаюсь с места, ни «вольво», ни «мерса» за мной уже нет. Очевидно, шеф срочно затребовал их на совещание. Отсутствие эскорта меня обижает — не могу же я играть роль без зрителей! — поэтому возвращаюсь к офису в надежде, что здесь они оставили кого-нибудь на пешем ходу.

Выйдя из машины, я иду не в офис, а направляюсь вдоль по улице и, за неимением универмага, разглядываю витрины кафе и парикмахерской. Вскоре я обнаруживаю «хвост»: мужчина примерно моих лет и телосложения в точности повторяет мой маршрут. Этого-то я и добивался, поэтому, не теряя времени, разворачиваюсь и подхожу к нему.

— Добрый день! — приветливо говорю я. — Как поживаете?

«Хвост» судорожно вздёргивается.

— Вы, наверное, обознались, — с жалкой улыбкой говорит он и отворачивается.

— Что вы, как можно! — моё лицо

прямо-таки лучится дружелюбием. — Ведь это же вас приставили за мной следить?

— Не говорите ерунды, — сердито ворчит он и быстрым шагом идёт через улицу.

Но от меня не так-то легко отделаться. Я догоняю его уже на середине, мы вместе ступаем на тротуар и идём в одну сторону. Он всё время убыстряет шаг, разговаривать при такой скорости хода очень сложно, но я всё равно это делаю.

— Представляю, какая тяжёлая у вас работа! — сочувственно размышляю я. — Приходится, наверное, и по десять часов работать — профсоюза-то ведь у вас нет? А если дождь? Можно в таком случае в кафе зайти или всё равно надо под окнами торчать? Болеете, наверное, часто?

— Послушайте, — он круто останавливается, так что я даже немного проскакиваю вперёд, — что вы ко мне привязались? Я сейчас полицию позову!

— Зачем? — огорчаюсь я. — Что мы, без неё не договоримся, что ли? Вы мне просто скажите, кто вас ко мне приставил, и я тут же отстану!

— Ну, знаете! — он даже с каким-то восхищением крутит головой, одновременно пожимая плечами, и возобновляет свой полушаг-полубег. Я, разумеется, не отстаю.

— Куда мы идём? — спустя какое-то время интересуюсь я, но он ничего не отвечает, а я не унимаюсь. — Далеко ещё?

Он снова не выдерживает и останавливается.

— Послушайте, вы что, идиот?

— Неужели так заметно? — пугаюсь я. — Это бы совсем ни к чему. Понимаете, я — частный детектив, и если мои клиенты узнают...

На этот раз он решает прибегнуть к угрозам.

— Вы что, вообще ничего не соображаете? А если я вас сейчас приведу к своим шефам, а там ведь помимо них есть здоровые ребята, которые вас...

— Ну, не так уж я глуп, — успокаиваю я его, — конечно же, я не буду входить внутрь, просто посмотрю, где находится ваша резиденция и пойду себе домой.

Сыщик нервно оглядывается по сторонам, и на его лице появляется просящее выражение.

— Слушайте, а давайте так: вы от меня отстанете, а я ничего не скажу своим шефам, что вы вели себя, как... ну, в общем, не совсем умно?

Если бы он знал, что я-то добиваюсь как раз обратного, не стал бы такое предлагать, но делаю вид, что меня это заинтересовало.

— Идёт! Но только вы тогда ещё скажете мне, как зовут вашего самого главного и где находится резиденция, — и, увидев его реакцию, поспешно добавляю: — а я за это могу заверить вашего шефа, что вы следили за мной очень хорошо, и обнаружил я вас просто случайно.

Он цыкает и вновь устремляется вперёд. Наконец, я понимаю его замысел: за углом он свернёт направо, и мы выйдем на Мэйн-стрит. Это меня не устраивает, потому что там полно народа, и он легко может от меня оторваться. Нырнёт в толпу — и ищи его потом! Поэтому решаю держаться к нему поближе.

Но это очень трудно, так как, свернув, он нарочно идёт по левой стороне тротуара, прямо-таки разрезая встречный поток. Возможно, я бы и смог за ним удержаться, но в тот момент, когда снова начинаю с ним беседовать о трудной работе соглядая, чувствую на себе чей-то взгляд. Я поворачиваю голову в сторону и возле входа в универсам вижу Клару и в том же состоянии, что и вчера в «Дилайте», когда я подсел к ней за столик. Увидев мой взгляд, она резко поворачивается в сторону и поспешно входит в магазин. Из этого я делаю вывод, что разговаривать со мной она не желает. Я из гордости не настаиваю.

Разумеется, за это время сыщика моего и след простыл. Мне не остаётся ничего другого, как вернуться в свой офис.

Остальное время дня вообще можно считать потерянным. Вечером я съездил в «Дилайт», но Клары там, конечно, не застал, поэтому ужинать пришлось в одиночестве. В относительном одиночестве, потому что мужчина за два столика от

меня явно за мной следил. То есть, это почти наверняка, потому что, когда я встал и пошёл к нему, он почему-то резко вскочил и бросился к выходу. Из этого я сделал вывод, что мой дневной друг доложил обо всём.

Подъехав к дому, я проверил свой ящик. Помимо газет там был сложенный вдвое лист. Вопреки моим ожиданиям, это даже не письмо, а записка. Очень коротенькая, всего из трёх слов: «Фрэнк, вы идиот»!

Почерк мне абсолютно не знаком, но у меня не возникает ни малейшего сомнения по поводу того, кто это написал.

7. Фрэнки допускает серьёзную ошибку

«Фрэнк, вы идиот»! Всё утро я повторяю себе эти слова, меняя интонацию в каждом из них и во фразе в целом. Иногда они звучат обнадеживающе: «Фрэнк, зачем вы пошли против них? Мне будет очень плохо, если с вами что-то случится!», иногда презрительно: «Ну, и дурак же вы, Фрэнк! Я ведь вас предупреждала, пеняйте теперь на себя»!

Только через час я бросаю это бесполезное занятие. Филология — сложная вещь, и я не уверен, что в ней помимо каких-нибудь «Грамматики» и «Орфографии» есть раздел «Как правильно трактовать слова женщины, написанные ею в

состоянии раздражения».

Очень вовремя бросаю, потому что с 10.30 — это время обозначено на моей табличке как начало приёма — мне буквально вздохнуть некогда, не то, что понять, что имела в виду Клара.

Первым пришёл мистер Смит. Он так и представился, хотя было очевидно, что эту фамилию он выбрал потому, что её легко запомнить. Легко запомнить — легко забыть, это он с блеском и продемонстрировал, называя свою жену то миссис Грин, то миссис Браун. Я вяло выслушал его просьбу — проследить за коварной изменницей — и сказал, что такими делами больше не занимаюсь. Он предложил десять тысяч — я помотал головой. Он дошёл до пятидесяти и вспотел: чувствовалось, что это — предел, за который ему велели не вылезать. Я легко отмахнулся и от этой суммы, и он ушёл, пообещав зайти завтра в надежде, что я передумаю.

Почти сразу после его ухода зазвонил телефон, и незнакомый женский голос стал умолять меня о встрече. Я бросил трубку.

Звонков больше не было, все остальные являлись лично. Труднее всего было отделаться от пастора, который с полчаса объяснял мне разницу между истинно верующим и верующим не истинно. Когда я его напрямик спросил, чего он от меня хочет, пастор растерялся, а потом начал всё

сначала. Возможно, он хотел как-то приблизить меня к Богу, но я от его визита осатанел. Пастор продолжал разглагольствовать даже после того, как я, одевшись для выхода, минут десять поигрывал ключами перед его лицом. В конце концов, мне пришлось схватить его за сутану и вытащить на улицу.

Видно, здорово я расшевелил это осиное гнездо, раз они так резко взялись за меня уже с утра. Единственное, что им удалось, это снова сбить меня с толку. Я опять не понимал, чего же они хотят: отвлечь меня от расследования или всё-таки запихнуть в подвал? Впрочем, сегодня я намерен это выяснить.

В лендровер сажусь без всякой опаски. Бомбы там наверняка нет — из утреннего оживления нетрудно сделать вывод, что время для подобных мер ещё не наступило, — а приклеивать мне «маячок» при моей-то скорости передвижения вообще нет никакого смысла. Еду я в центральный универмаг, потому как он больше всего подходит для моих целей: в его толкучке гораздо проще сделать покупку так, чтобы мои преследователи этого не заметили. Там я долго брожу от отдела к отделу, иногда покупая всякую мелочь: зажигалку, колоду карт, лезвия для бритвы. После получасового кружения прихожу к выводу, что мой филёр, если он у меня сегодня есть, остался

подкарауливать возле входа, и быстро иду в компьютерный отдел. Выбрать нужное довольно трудно, так как все игры, в основном, связаны со стрельбой и мордобоем, чего мне совсем не хочется, и, в конце концов, останавливаюсь на «Приключениях червячков» и «Стань мэром города». Тут происходит неожиданное. «Червячков» продавец отдаёт без комментариев, а про «Мэра» сообщает, что её нужно обязательно регистрировать в Сети.

— Это ещё зачем? — удивляюсь я.

— У игры есть функция «Развитие», — поясняет он, — вам будут присылать для неё обновления.

— А если, допустим, у меня нет выхода в Интернет? Или просто не желаю регистрироваться?

— Тогда я вам дам другую версию, с лицензионным ключом, и вам нужно всего лишь оставить свой адрес, и обновления будут присылать на дисках по почте, причём, совершенно бесплатно.

Всё это мне не нравится — диски по почте и вдруг бесплатно! — и вызывает какие-то неясные подозрения. Я уже собираюсь отказываться от этой игры, как вдруг спохватываюсь, что это может быть каким-то образом связано с тем, чем сейчас и занимаюсь, и беру вариант с сетевой регистрацией.

— Скажите, а есть ещё какие-то игры, для которых присылают обновления?

Оказывается, есть. Продавец показывает мне «Диггера», «Поиски сокровищ», «Побег из тюрьмы» и... «Приключения в старом квартале»! Не раздумывая, беру все, кроме последней, прячу их в пакет и направляюсь к выходу. Филёра замечаю сразу, это вчерашний из ресторана. Смотрю на часы, решаю, что нам обоим пора пообедать, и захожу в ближайшее кафе.

Он, однако, не заходит следом за мной, опасаясь, должно быть, какой-то моей выходки, наподобие вчерашней. Из-за этого я вынужден занять столик у окна, так как в этот момент мне приходит в голову одна мысль, а для этого он должен видеть мои действия.

В заведениях подобного рода бифштекс с картофелем — единственное блюдо, которое вас не разочарует, хотя бы потому, что вы заранее не ждёте от него ничего хорошего, и я останавливаю свой выбор на нём. Поглощая его, не могу удержаться от соблазна подразнить своего соглядатая и изо всех сил делаю вид, что это ужасно вкусно. Покончив с обедом, приступаю к тому, из-за чего выбрал столик у окна: достаю из пакета диски и внимательно их рассматриваю. Тут же убеждаюсь, что мой трюк сработал: краем глаза вижу, что мужчина поспешно достаёт из кармана мобильник и кому-то звонит. Надеюсь, теперь мои незримые противники убеждены, что знают, чем я

буду заниматься в ближайшее время, поэтому, уже не торопясь, выхожу на улицу, сажусь в лендровер и еду домой.

Войдя в офис, первым делом запираю за собой дверь, а затем включаю компьютер и, не желая томить своих врагов длительным ожиданием, регистрирую в Сети игру «Стань мэром города» и получаю лицензионный ключ. При этом мне кажется, что я даже слышу их радостные восклицания, вздохи облегчения и аплодисменты, ибо не сомневаюсь, что трюк с регистрацией выдуман лишь для того, чтобы вычислять IP компьютера потенциального клиента.

Ну, что ж, пока они считают, что я очертя голову ринулся в их новую ловушку, пора попытаться выяснить, что за всем этим скрывается. Я разыскиваю фонарик, сую его в карман плаща и через окно кабинета вылезая во внутренний двор. Здесь пусто, и я быстрым шагом пересекаю его, выхожу на Гринроуд, останавливаю такси и еду к дому Гибсона. Конечно же, из чтения детективов я знаю, что в подобной ситуации нельзя садиться в первое же такси, но пренебрегаю этим, так как не настолько уж я значительная фигура, чтобы держать из-за меня филёра, просматривать все близлежащие улицы да ещё подготовить такси.

Еду, разумеется, не до самого дома, а высаживаюсь за два квартала от него,

расплачиваюсь с таксистом и иду пешком, внимательно осматривая окрестности. Если в доме кто-то есть, то обязательно поблизости будет какой-нибудь автомобиль, может даже, знакомые мне «вольво» или «мерседес», но рядом с домом нет даже велосипеда, и я успокаиваюсь. Очень похоже на то, что мешать мне никто не собирается.

Подойдя к двери, всё же сначала прислушиваюсь и только после этого отпираю дверь. В доме абсолютно тихо, и я даже не трачу времени на его осмотр.

На то самое место, где произошла невероятная встреча с самим собой, проще всего попасть через люк в одной из комнат первого этажа, спустившись по лестнице вниз, но мне хочется проверить одну свою мысль, и я поднимаюсь на второй этаж, снимаю щеколду, открываю дверь, включаю фонарик и спускаюсь по ступеням. Клары сегодня со мной нет, поэтому спуск отнимает гораздо больше времени, зато после него не болит голова. Прохожу по знакомому коридору, попадаю в подвал и иду к дальней стене. Проритую мною кладку, как я и думал, никто не восстанавливал, но интересует меня не она, а дверь, открыть которую тогда я не смог. Достаю из кармана ключи, которые прислал мне Гибсон, и один из них к ней подходит. Я поворачиваю его, но дверь открывать не тороплюсь. Так вот оно что. В игру я попал вовсе не

случайно, всё было продумано, но «они» просто-напросто не знали, что в тот раз со мной не было ключей. Это узнала Клара, когда я не смог открыть дверь дома, но не придавала значения, так как, по-видимому, целиком в замысел её не посвящали, сказали лишь, что она должна столкнуть меня в подвал, и на этом её задача выполнена. Выходит, сейчас я собираюсь сделать то, на что «они» рассчитывали в прошлый раз.

Я достаю из кармана сигарету и закуриваю. Так, ещё раз всё сначала. Зачем-то нужно, чтобы я попал внутрь компьютерной игры или столкнулся с её инсценировкой. Для этого ко мне подсылают Гибсона, который якобы поручает мне своё дело, и я мчусь к его дому. Возможно, правда, что Гибсон действительно поручил мне дело, за ним проследили до моего офиса, и сообразить остальное было нетрудно. А дальше я оказываюсь в его доме с Кларой в качестве гарантии в том, что непременно буду в нужном месте. У меня нет ключей от этой двери, но я пробиваю кладку и выхожу на место действия. Получается, в том виде или ином, но их план сработал. За одним маленьким исключением: я не прошёл через дверь, что и собираюсь сделать сейчас, и тогда уж всё будет так, как «они» хотели.

Этого вполне достаточно для того, чтобы развернуться и уйти. Но такая мысль нагоняет на меня уныние — я так и останусь в неведенье по

поводу того, кто такие «они» и чего от меня хотят. Нет, есть всё же маленькая разница: в тот раз меня хотели сюда загнать, а сегодня я пришёл сам! Подумав так, я решительно открываю дверь.

В тот же миг меня ослепляет яркая вспышка, я инстинктивно зажмуриваю глаза и слышу какое-то гудение, которое продолжается секунды три. Через некоторое время зрение моё восстанавливается, и вверху проёма с той стороны двери я различаю небольшой прямоугольник с объективом. Замечательно. Меня только что отсканировали. Сколько трудов затратили «они», чтобы это сделать — взять хоть сегодняшнее утро, — а и надо-то было всего-навсего подождать, пока я сам, как последний болван, сюда не припрусь.

Теперь времени у меня в обрез. Скорее всего, сканированием их план не исчерпывается, поэтому надо срочно уходить. До сих пор «они» считали, что я сижу в офисе и играю в «Мэра», но сейчас, возможно, полным ходом мчатся сюда. И хотя в дом я забрался для того, чтобы посмотреть, куда ведёт коридор, по которому убежали виртуальный я и его преследователи, придётся отказаться от идеи удовлетворить свою любознательность. Я поспешно вылезаю через люк и покидаю дом.

Возле офиса я почти наталкиваюсь на своего филёра, который при виде меня привычно вздёргивается и намеревается убежать, но у меня

нет никакого желания к общению с ним. Я молча прохожу мимо, вовремя вспоминаю, что дверь изнутри заперта на защёлку, сворачиваю во двор и лезу в окно.

8. Фрэнки пробует стать мэром города

Утром прихожу к выводу, что сделал все глупости, какие только мог, поэтому неплохо бы взять небольшую паузу перед тем, как начну делать новые. Надо честно признаться самому себе, что детектив из меня никакой, и несмотря на все мои старания вести игру по своим правилам, я только тем и занимался, что играл по чужим. Вероятно, следовало бы поразмышлять, для чего меня отсканировали, но за последнее время я настолько устал от своих несбывающихся предположений, что вместо этого вяло машу рукой и отправляюсь в супермаркет заготовиться едой на весь день, так как сегодня твёрдо намерен не покидать офиса. Единственное, что пока не удалось сделать моим врагам, это полностью заполучить меня в свои руки, и мне хотелось бы по крайней мере сохранить такое положение.

По дороге вспоминаю, что завтра во второй половине дня должен появиться Гибсон, и с некоторым удивлением обнаруживаю, что мне есть, что ему сказать. Выходит, не так уж бездарно я

провожу своё расследование! «Кто-то облюбовал ваш дом для виртуальных игр, — хмуро скажу я ему, — и я обязательно до них доберусь!»! А потом попрошу его повторить свой рассказ, и уж в этот раз выслушаю всё самым внимательным образом! Но это, конечно, в том случае, если он появится.

Взятая пауза оказывается ещё короче, чем планировал, потому что по возвращении из супермаркета сразу же берусь за очередную глупость: открываю зарегистрированную вчера игру «Стань мэром города» и ввожу полученный ключ. С другой стороны, а что остаётся делать? Если тебя загнали в трясины и не дают из неё выбраться, нырни с головой: вдруг удастся найти выход на дне.

Читаю правила игры, они несложны. Выбираешь себе героя, задаёшь ему имя и социальный статус — пол, возраст, образование, профессию, — по таблице получаешь уровень доходов и круг друзей и сторонников, добавляешь ему какие-то таланты из области спорта, культуры и искусства — и вперёд! Твоя задача — стать избранным мэром города, а для этого необходимо набирать баллы в политической борьбе с соперниками. Скажем, удалось тебе, сложив средства свои и своих сторонников, построить в городе ночлежку для бездомных — получай 200 баллов, начал строить, но не смог закончить —

долой 400! А перед выборами баллы превращаются в деньги, и на них ты проводишь избирательную кампанию: печатаешь листовки, покупаешь время на радио и ТВ, а можешь — есть и такой вариант — потратить их на подкуп избирателей. За все удачные ходы вновь начисляются баллы, на сей раз, в виде голосов избирателей, за все промахи такое же количество баллов отдаётся твоему основному сопернику. Словом, не игра а учебное пособие! Дочитав правила до конца, понимаю, для чего нужна регистрация. Победив в игре, получаешь новые стадии: «Стань губернатором штата», «Стань президентом страны», «Стань Генеральным секретарём ООН». В общем, играть — не переиграть. Есть, правда, у меня на этот счёт определённые сомнения, в отличие от рядового покупателя игры я знаю кое-что странное, и это кое-что очень настораживает. Но поскольку влез я в него довольно основательно, то уже не колеблясь делаю следующий шаг: начинаю игру.

Имя и возраст оставляю свои, а вот профессия заставляет меня задуматься. Долго выбираю между спортсменом, спасателем и пожарным, припоминая всех, знакомых лично мне, представителей этих профессий, но потом машу рукой и впечатываю «Частный детектив». И вообще стараюсь по возможности во всём придерживаться своих реальных данных: мне становится интересно,

каковы были бы мои шансы, вздумай я и в самом деле баллотироваться на мэра. Таким образом, главный выбор сделан, и остальное идёт проще. Отдаю должное создателям игры за прекрасно разработанную функцию подсказки: если бы не она, я утонул бы во всех необходимых процедурах уже на первом этапе.

А так прохожу его свободно и получаю первый результат: Фрэнк Уолтер Ньюмен, 36-ти лет, частный детектив, неженат (за это с меня тут же сняли 50 баллов; я подумал и добавил в сведения: «трижды был женат, во всех случаях развёлся» — и лишился ещё ста) баллотируется на должность мэра города в качестве независимого кандидата. Соперников у меня трое: действующий мэр, адвокат и начальник полиции. Самый высокий начальный баланс, естественно, у мэра — полторы тысячи баллов; двое других имеют по пятьсот, и только я начинаю с минус ста пятидесяти.

Во втором этапе нужно совершать уже конкретные дела, и я открываю карту города с перечнем всех общественных учреждений в размышлении, чем бы осчастливить его жителей. Меня ничуть не удивляет, что город до мелочей совпадает с Рочестером, и интересен только один вопрос: является ли данная копия игры региональным вариантом и есть другие, или этот единственный? Ответа, конечно, получить

неоткуда, по поводу дел тоже никаких мыслей нет, и я запрашиваю подсказку. В ней — на выбор — список десяти конкретных замыслов, которые я могу воплотить с учётом своего отрицательного баланса. После раздумья останавливаюсь на проведении митинга в защиту интересов мелких фермерских хозяйств и, благодаря тому, что заблаговременно в графу своих талантов внёс «блестящие риторические способности», зарабатываю 20 баллов. Потом необдуманно ввязываюсь в организацию рок-концерта, весь сбор от которого должен пойти на приобретение современного оборудования для муниципальной клиники, и теряю на этом сто. Из подсказки узнаю, что концерт был сорван из-за того, что не приехал никто из музыкантов, которым ничего не сказала имя организатора. Мои соперники тем временем уверенно идут вперёд. Начальник полиции заработал 300 баллов, договорившись со СМИ, которые опубликовали отчёт, из которого следовало, что с момента вступления его в должность уровень преступности в городе приобрёл чёткую и уверенную тенденцию к снижению. Адвокат получил 800 за то, что благодаря своим связям выступил в телешоу «Весёлая эстафета», где соревновался с другими участниками в прыжках на одной ноге с полной кружкой пива в руках, ползании на спине без помощи рук и ног и

поедании на скорость целого лимона с кожурой. И хотя первого места он не занял, но популярность его в народе после этого сильно возросла, и он, возможно, сумел бы приблизиться к мэру, если бы тот, в свою очередь, тоже не сделал сильный ход. Он договорился со своим приятелем-сенатором, и тот в положительной связи упомянул его имя в каком-то отчёте, что принесло 600 баллов.

После этого я решаю, что мне с ними не тягаться и закрываю игру, бросая родной город на произвол судьбы.

Следующий день проходит ещё более нудно. Играть в «Мэра» дальше нет никакой охоты, и я в ожидании Мориса Гибсона сражаюсь с компьютером в бридж и покер. Когда надоедает и это, ставлю «Приключения червячков», по поводу которой мне ясно, что она не имеет никаких странностей, и до позднего вечера с увлечением пресмыкаюсь по плодовому саду, с аппетитом поедая сочные фрукты и шутя отбиваясь от кур, индеек и прочей опасной живности.

Морис Гибсон не пришёл. Правда, вполне допустимо, что он задержался по своим коммерческим делам, и я делаю ставку на следующий день.

В воскресенье в «Червячках» я становлюсь настоящим асом. Трижды прохожу всю игру от первой стадии до последней, постоянно обновляя

свои же рекорды в каждой графе таблицы «Количество съеденных фруктов». Около восьми вечера, когда становится понятным, что Гибсона не будет и сегодня, я разыскиваю его карточку, чтобы позвонить ему по телефону. Раньше я не разглядывал её внимательно, поэтому не обратил внимания, что номер смотрится как-то странно. Подтверждение этому получаю сразу же, набрав его: компьютерный женский голос сочувственно сообщает: «Неправильно набран номер»! Поскольку ошибка в номере на визитной карточке — вещь абсолютно не реальная, получаю ответ на один из своих вопросов: о роли Гибсона во всей этой истории. Мысленно прокручиваю в голове сцену его появления в моём офисе, и теперь мне кажется в ней подозрительным всё: конан-дойловская манера изложения, фраза, сказанная мне на прощание: «Если бы вы знали, мистер Ньюмен, как я рад, что именно вы занялись моим делом!» и мгновенно явившаяся племянница... При упоминании о племяннице я ловлю себя на мысли, что очень бы хотелось увидеть Клару, но не имею ни малейшего представления, где могу её встретить, кроме, разве что, «Дилайта», но что-то мне подсказывает, что после нашей с ней там встречи она перестала посещать это заведение... Тут я снова озадачиваюсь: да, но Гибсон же прислал мне

ключи! — но только на минуту, потому что тут же нахожу ответ. Конечно, Клара сообщила, что у меня не было ключей, её хозяева смекнули, что в дверь я не попаду и легко дали мне в тот раз уйти, а потом прислали мне их якобы от Гибсона, и я не замедлил оправдать их ожидания.

Спать ложусь в угнетённом состоянии духа, и всю ночь мне снится то какой-то неясный кошмар, то полная дребедень, и только под самое утро является Клара и говорит мне что-то хорошее...

Она тому причиной или нет, но в понедельник утром я снова собран, решителен и готов к бою. Что я намерен делать — не знаю даже в общих чертах, кроме одного: сейчас я им продемонстрирую, что вновь разгадал их игру. Долго роюсь по всем полкам, ящикам и карманам и хоть с трудом, но мне удаётся возместить ту сумму, которую я потратил из гибсоновских денег. Я еду в банк, кладу 25 тысяч на имя Мориса Гибсона и возвращаюсь домой.

Сейчас я напоминаю себе того меня, который однажды утром, сразу же после завтрака, спокойным тоном и без всяких надрывов в голосе объявил Лиззи: «Я подаю на развод». Она была прямо-таки ошарашена: со дня её последней измены прошло больше четырёх месяцев, и она думала, что в очередной раз всё позади. Ей было невдомёк, что все эти четыре месяца в моих мыслях и снах она продолжала изменять мне каждый день,

пока я не почувствовал, что дальше так жить не могу. Лиззи попробовала закатить скандал — я был невозмутим; она попыталась меня обнять — и наткнулась на камень, холодную скалу... Тут даже ей стало всё ясно, и наш бракоразводный процесс прошёл на удивление мирно и спокойно.

И сейчас я тоже холоден и спокоен. Я точно знаю, что на этот раз пойду до конца и полезу на рожон. Потому что я хочу вырвать у них Клару.

С этой мыслью я включаю компьютер и открываю «Мэра». Это единственное, с чего я реально могу начать. Интуиция подсказывает мне, что в этой игре — разгадка к чему-то очень важному; к чему-то, из-за чего шесть дней назад ко мне пришёл Морис Гибсон и сказал: «У меня к вам дело, мистер Ньюмен, мне как раз и нужен такой человек, как вы», а потом пришла Клара и...

Я решительно отмахиваюсь от воспоминаний и пытаюсь настроиться на игру. Но это не удаётся, потому что глаза мои ошеломлённо, но целенаправленно лезут на лоб. Прекрасно помню, что в прошлый раз закончил игру с балансом минус 230, а сейчас на нём плюс 20! Но ведь с тех пор я ничего не делал и даже не открывал её! Легко подсчитываю, что откуда-то у меня взялись лишние 250 очков. Может, в игре заложено, что кто-то из моих сторонников вправе совершать какие-то действия, пополняя мой баланс? Я открываю

перечень проведённых мероприятий, но там по-прежнему только два: митинг и несостоявшийся концерт. Ну, и ладно. Как бы то ни было, баланс мой стал положительным, а это реальные деньги, значит, на них можно что-то проверить. Я перевожу очки в деньги и получается, что у меня на счёте две тысячи долларов. Не весьма, но всё-таки. И тут меня осеняет новая мысль. Я прикидываю, а в какой сумме выразятся невесть откуда взявшиеся 250 очков и получаю... 25 тысяч долларов!

Тут и думать нечего. Это ровно та сумма, которую я положил меньше часа назад на счёт Мориса Гибсона в самом настоящем банке в трёх кварталах от своего дома.

9. Фрэнки переходит на нелегальное положение

«Теперь я кое-что об этом знаю», — с удовлетворением думаю я и тут же укоризненно покачиваю головой. Ну-ну, Фрэнки, не надо скромничать! Не кое-что, а чуть ли не всё! Чуть ли — потому что до сих пор неясно, кто за всем этим стоит, и каковы их конкретные тактические цели. Но я выясню и это, причём, очень скоро, может даже, сегодня. Наверное, это называется наитием, но мне больше нравится сравнение с пасьянсом «Ручеёк»: ты выкладываешь по одной карте из

колоды, но ничего не сходится и лента на столе всё растёт, а колода становится тоньше и тоньше, пока у тебя в руках не остаётся последняя карта; ты кладёшь её и — бах! — она совпадает с перекрёстной; убираешь их — и совпадают две другие, а там ещё и ещё, и вот уже пошла цепная реакция, и так до конца — сошлось! Когда у кандидата в мэры Фрэнка Ньюмена откуда-то появились 25 тысяч долларов, я ещё ничего не понимал, и даже тот факт, что на первом этапе игры, составляя список сторонников, я включил в него Мориса Гибсона — просто потому, что думал о предстоящей встрече с ним, — тоже ничего не разъяснял. Но тут в роли последней карты выступило воспоминание о том, что перед тем, как сегодня открыть игру, я, в силу устоявшейся привычки, вышел в Интернет, чтобы проверить почту. В этот-то момент они ко мне и проникли. Но это всё так, ерунда, главное — значит, возможен и обратный процесс! И сейчас я заверчу его на всю катушку. Поднимется жуткий тарарам, и отныне бомбу в автомобиле и выстрелы в окно следует расценивать как явления вполне возможные.

Мне нужны деньги. Ненадолго, часа на два, считая с того момента, как они у меня появятся, после этого у меня их будет сколько угодно. С преступностью лучше бороться за её же собственный счёт, а не обирать

налогоплательщиков, и этот вариант я намерен использовать. Но нужен начальный капитал. А здесь у меня только один способ.

Я тянусь к телефонной трубке, но тут же спохватываюсь — нельзя! — достаю мобильник и звоню своему приятелю Дэйву Робертсу в агентство по операциям с недвижимостью.

— Старина, — говорю я после приветствий и неизбежных «Как дела?», — мне срочно нужны деньги, и я хочу заложить свою квартиру. Никаких льгот и поблажек: тебе звоню потому, что некогда связываться с осмотром и оценкой, а ты её знаешь. Ужесточай условия, как хочешь, но выжми максимальную сумму.

Дэйв раздумывает всего минуту.

— Фрэнк, — нерешительно говорит он, — квартирка-то у тебя не ахти... В общем, двести тысяч, пять процентов и полгода. Устраивает?

— Идёт, — не раздумывая, соглашаюсь я. — Начинай оформлять документы прямо сейчас. Я подъеду к тебе часа через два-три, но если что-то не слепится, то завтра. Договорились?

— Да... — так же нерешительно тянет Дэйв.

Он явно хочет сказать что-то ещё, но я отключаюсь. Так, теперь следующий ход. Одеваюсь, забираю жалкие остатки денег и выхожу на улицу. Через витрину кафе вижу филёра — отлично! Лишь бы он меня дождался. Сажусь в

лендровер и еду в универмаг, за собой замечаю «вольво»; это не очень хорошо, но и не страшно: мне нужно выскочить из-под их внимания не больше, чем на три минуты, а дальше — пусть следят. Эти три минуты я рассчитываю у них вырвать за счёт того, что они не знают, куда я еду, и неизбежно потеряют на этом время. Ещё издалека замечаю жёлтый «форд», выезжающий с парковки универмага, и «БМВ», который готовится занять его место. Отчаянно газуя, проезжаю рядом с «БМВ», и он испуганно шарахается в сторону, прекрасно понимая, что две-три царапины моему роверу падением престижа не грозят, а вот ему такое ни к чему!

Припарковавшись, выскакиваю из машины и быстрым шагом иду в отдел рабочей одежды. Пользуясь тем, что эта продукция не из числа ажиотажных, почти мгновенно покупаю серую куртку и глубокую кепку, прячу это в пакет и уже не спеша направляюсь в компьютерный отдел, где приобретаю ещё три игры, ориентируясь лишь на то, чтобы на них были яркие картинки, по которым даже издалека можно было бы понять, что это такое. После этого возвращаюсь домой.

Специально подольше вожусь с дверцей лендровера, чтобы дать возможность моему филёру занять выгодную позицию для наблюдения, затем иду к двери офиса, держа игры в руке. Отпирая

дверь, делаю неловкое движение, и диски выскакивают и падают на землю. Чертыхаясь, собираю их и вхожу, наконец, внутрь.

Времени у меня, наверное, мало, поэтому мигом сдираю плащ, надеваю куртку и кепку и привычным уже маршрутом вылезая в окно. Обойдя два дома, выхожу на свою улицу и осторожно выглядываю из-за угла. Филёр, делая жесты свободной рукой, звонит по мобильнику, и это хорошо. Без сомнения, он сообщает, что клиент купил новые игры, и, в связи с этим, просит разрешения уйти. Пока всё нормально, но самое трудное дальше: надо его выследить. Я подготовился к трём вариантам, и не все они одинаково для меня удобны: он может уехать на «вольво», пойти пешком или взять такси. В первом случае слежка будет невозможна, и тогда мне придётся затевать что-то ещё, чтобы вытащить его обратно. Для второго я и приобрёл неброский камуфляж, третий случай тоже нехорош, но оставляет кое-какие шансы. Конечно, он может поехать не во враждебное мне логово, а просто домой или ещё куда-то, но об этом лучше сейчас не думать, чтобы не расстраиваться прежде времени.

Сначала мне везёт. Через некоторое время «вольво» стартует и сворачивает за угол. Правильно, должна же соблюдаться конспирация, пусть своим ходом добирается. Но у того,